

Григорий Померанц

Растерзанное чудо

Одно время, под влиянием Смоктуновского в роли Мышкина, а потом Яковлева в экранизации первой части романа, возник образ совершенного добра, противостоящий советскому добру с кулаками, всем Павлам и Павликам – Нилову, Корчагину, Морозову. Мышкин вырос в идеального героя, которого Пырьев так любил, что при Яковлеве, в его сознании слившегося в персонажем, не мог выругаться привычным черным словом. Потом чтение классиков XIX века перестало быть единственным источником духовного света, и религиозным филологам бросилось в глаза, что писаниям святых отцов и византийским канонам скорее соответствует Макар Долгорукий, Алеша Карамазов, Зосима. Возникла мысль, что Мышкин – неудача писателя, которую Достоевский впоследствии исправил. и этот тезис много раз доказывался.

Мышкин, действительно, не отвечает на вопрос, «что делать». Однако сила творчества Достоевского – скорее в открытых вопросах, чем в готовых ответах. Открытых вопросов у него больше, чем ответов. Открытые вопросы глубже его ответов. Это иногда виднее со стороны, и мне хочется процитировать американского ученого, свободного от наших забот, что делать с Россией.

Достоевский, пишет Морсон, – «был великим религиозным мыслителем, а не простым выразителем истин христианства в увлекательной художественной форме... Систематическое богословие было предметом исследования величайшего психолога-романиста, и Достоевский, подобно Толстому, крайне подозрителен к абстрактным рассуждениям. Для Достоевского реалистический роман... был богословским инструментом (способом проверки идей. – Г.П.). И если богословская идея не могла быть выражена так, чтобы соответствовать реалистической психологии романа, то он чувствовал в ней что-то ложное.

Роман «Идиот» задает вопрос: если возможен идеально добрый человек, Христос без божественной силы, то что с ним случится? Сможет ли он спасти других? Подтвердит ли он мудрость призыва: «будьте подобны Мне, как Я – отцу нашему небесному»? (Вопрос задан неточно, и мы к этой неточности вернемся; но Морсон хорошо описывает метод Достоевского. – Г.П.). Достоевский честно проводит испытание: он не направляет героя и не предопределяет итога, он буквально не знал, что произойдет с его персонажами, начиная роман. Он вновь и вновь вводит своего хриstopодобного героя в трудные отношения с психологически сложными людьми и смотрит, что случится (подчеркнуто автором). Он никогда не помогает герою выпутаться. И если психология обиды и возмущения,

которую Достоевский знал, как никто другой, показывает, что мышкинская доброта приводит к катастрофе, то катастрофа происходит. Реакция за реакцией, он наблюдает, с такой же захваченностью, как читатель, за развитием событий и описывает их так, как они происходят. В этом величайшая честность Достоевского. (Трудно с этим не согласиться. Но дальше снова есть неточности. – Г.П.) К его удивлению и огорчению, - пишет Морсон, - подлинно христианская душа Мышкина творит людям больше вреда, чем добра, по большей части потому, что сама его доброта и готовность простить обычно понимаются как оскорбление: мы ненавидим добро, потому что оно лучше нас.

Критики романа ошибаются, воспринимая его как последовательное развитие тезиса, а не как процесс, как эксперимент, честно проведенный, чтобы увидеть, что случится (подч. авт.). Достоевский надеялся утвердить в романе истину христианства, но это ему не удалось»¹. Закончив цитату, проследим теперь неточность, которая привела к выводу, по меньшей мере, спорному: идеально добрый человек – это скорее герой «Идиота» Куросавы, а Мышкин Достоевского – идеально глубокий созерцатель, это взгляд в глубины, из которых происходит спасение, это невозможность видеть дерево и не быть счастливым, сила в «главном уме», как это назвала Аглая, - и почти идиотская слабость ума поверхностного, постоянные кви-про-кво, нелепости, провалы. Если считать, что беспомощность и беззащитность – провал христианства, то Морсон прав. А если считать, что беспомощность и беззащитность не имеют ничего общего с христианством, то правы религиозные филологи. Но почему тогда Иисус почти не защищался ни на суде Синедриона, ни на суде Пилата? И откуда взялась мысль Антония Сурожского, что цель православной молитвы – уязвимость? Филоненко, автор статьи о Сурожской епархии, из которой я беру некоторые цитаты, был потрясен этим и видит в молитве Антония прямую противоположность религиозности постсоветских неофитов.

Насколько я понял текст, образ Христа у вл. Антония – не доброта плюс божественная сила, а сила созерцания до богосыновства. «Действия Христовы, - говорит Антоний, - рождаются изнутри глубинного созерцания, и только из глубин созерцания может родиться деятельность христианина. Иначе это будет деятельность, основанная на принципах – нравственных, богословских или любых принципах; но сколь бы ни были они истинны, прекрасны, справедливы, они не соответствуют божественной динамике, внезапной динамике небывалого, непостижимого, в чем именно характерно действие Божье... Мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божиим, и действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого разума, как нас учит поступать

¹ G.S.Morson. Dostoevsky and the Holy Spirit. In: Vjdrtn Greek studies yearbook, Minneapolis, 2000, Vol. 16, P.2-4.

Бог»² (подчеркнуто мною. Г.П.). К этому очень близок гений Достоевского. Забота о России заставляет его иногда водить персонажей на помочах, проводить в них свои принципы. Но его искусство достигает своих вершин там, где он дает образу свободно развиваться, «из глубины созерцания», и, скажем, самый пронзающий образ в «Братьях Карамазовых» не Иван и не Алеша, а Митя, идеологически не направленный и получивший полную свободу неожиданных поворотов и решений. Я убежден, что в первоначальном плане романа он играл более скромную роль, но в процессе воплощения замысла выдвинулся вперед.

В романе «Идиот» такую свободу получил князь Мышкин. И в этой внутренней свободе – одна из причин его обаяния, вопреки нелепым поступкам, сравнимым с штурмом ветряных мельниц.

Ни Морсон, ни религиозные филологи, не ставят вопрос: почему неудачник наделен таким обаянием? Разумеется, не все его обаяние чувствуют, и само обаяние, которое они чувствуют, имеет несколько граней. Например, я близко знал женщину, уставшую от страстей и полюбившую Мышкина как образ чистой нежности, на одной линии со стихами Ахматовой: «настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха...» Мышкин может быть воспринят и так, в прустовском поле поисков любви Свана. Художественное творчество никогда не достигает математической истинности, однозначной для любых разумных существ во всех концах вселенной. Истина искусство возникает в разряде между двумя полюсами: образом в сознании художника и образом в сознании читателя, слушателя, зрителя. Все Гамлеты, Донкихоты, Мышкины, глубоко пережитые, истинны. Хотя это истины разных порядков, разных уровней высоты. И на самом высоком уровне эротическая тема отходит назад и Настасья Филипповна – символ Девы-обида, восставшей в силах человечества, толкающей людей убивать друг друга словом, ножом или бомбой, в XIX веке и в XXI-м. И с этой Девой ни одна церковь, ни одна религия до сих пор не справилась; более того – Дева-обида подчиняет себе и церкви и делает их своим орудием. Мудрено ли, что юноша, прибывший из Швейцарии в незнакомую Россию, не решил задачу, которая никем и сегодня не решена? Можно ли судить бедного рыцаря по поступкам? В первом варианте стихотворения Пушкин вводит нечто вроде статьи религиозного филолога: «он-де Богу не молился, он не ведал де поста, не путем-де волочился он за матушкой Христа». Однако рассуждение приписывается бесу лукавому, а во втором варианте просто отбрасывается.

Мышкин–рыцарь религиозного чувства, религиозного созерцания. «Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие поступки и преступления не подходит», - пытается он объяснить читателю; и

² Цитирую по статье А.С. Филоненко «Русская православная церковь в Великобритании XX века: миряне и открытость миру». Доклад, прочитанный в 1998 г. и опубликованный в журналах “Church, state a. society”, 1999, Vol. 27/1, P.59-71 и “Sourozh”, 1999, N 78, P.20-38.

судя это чувство только по поступкам, мы вечно будем «не про то» говорить, впадать в атеистические или религиозные банальности. То – это созерцание глубины и призыв в глубину. Это чудо выхода из врожденного помрачения ума, подобное воскресению Лазаря. Хрупкое чудо, не выдержавшее вихрей страстей, закружившихся вокруг него, рухнувшее, но оставившее за собой свечение Божьего следа. Кто способен увидеть это свечение сквозь все эффектные сцены, в которых Мышкин пасует, тот вместит князя в свое сердце и никому не отдаст.

Разные захваченности Мышкиным сходятся в одном: доказательства, что Мышкин неудачник, обаяния его не опровергают. Это обаяние прямо связано с беспомощностью князя в обыденном, житейском. Нас вовсе не всегда захватывают безупречные, правильные герои, от Грандисона до Павла Корчагина. Обломов обаятельнее Штольца. В чем здесь секрет? В чем обаяние великих неудачников – Гамлета, Дон Кихота и наконец – Христа?

Одна из самых замечательных исповедниц Христа в XX веке, Екатерина Колышкина, в замужестве баронесса де Гук, а потом Дохерти, - Мертон сравнивал ее со св.Екатериной Сиенской, - не боялась назвать Христа неудачником:

«Как часто мы чувствуем себя полными неудачниками! Становясь старше, мы оглядываемся на пережитые годы с таким ощущением, что ничего стоящего в них не было. В такой момент надо идти на Голгофу и смотреть на распятого Христа. Ведь большего неудачника, чем Христос, не найти. По сути он был совершенным неудачником» (из книги Екатерины Колышкиной де Гук Дохерти «Самородки», Магадан, 2001, с.13).

И разве она не права? Если взглянуть на Христа глазами обыденного опыта, то чем он кончил? Распятием между двумя бандитами. И хотя христианство спасли и спасают чудесные явления его – то Магдалине, то ученикам по дороге в Эммаус, то врагам (будущему ап. Павлу, будущему митрополиту Антонию) – но разве оно удалось? Норвежцы ходят в церковь оформить рождение и смерть. Среди голландских теологов только один верит в Бога. В нашей стране грубое преследование церкви вызвало симпатию к ней, подобную симпатии к Ельцину, но миллионы людей, рванувшихся в храмы и встретившие там ангелов церкви лаодикийской, стали искать чего-то другого.

В постхристианских странах неудачник из Назарета, плакавший в Гефсиманскую ночь, а потом подвергнутый бичеванию и распятию, стал великим искушением. И только для меньшинства он наделен непобедимым обаянием и вызывает страстное желание помочь Ему. В обоих случаях это чувство непосредственно и укоренено в строе души. Так и в Мышкине одни видят его нелепые поступки, а другие – странное свечение глубоководной рыбы, выброшенной в поверхностные слои акватории.

Свет по-разному проходит в романе Достоевского сквозь тьму и по-разному воспринимается читателями. Иногда совсем не воспринимается. Для

Синявского прочесть Достоевского – все равно что перенести лихорадку. Моему покойному другу, Борису Чичибабину, я посылал все свои эссе о Достоевском и с большим трудом и только отчасти сумел передать кое-что из того, что было мне очевидно. Я уже говорил, что в духовном мире нет истин, очевидных каждому. Одни видят, другие верят свидетелям, которые видели, третьи не видят и не верят.

Многих смущает то, что в Мышкине нет благолепия иконы. И, не находя благолепия во встрече со светом, не верят свету. Но разве распятие (не на иконе, а в жизни) благолепно? И разве искусство Достоевского добивается своей цели теми же средствами, как искусство Рублева? В двух последних романах Достоевский пытался стилизовать икону, житие (Макар Долгорукий, Зосима). Но именно в этой области его искусство бледнеет. Византийско-русская икона – до сих пор живет и вызывает взрывы живой веры (например, у католика Мертона). Но вл. Антоний созерцает Христа иначе и иначе понимает подобие Христу:

«Мы должны согласиться быть лишь тем, чем был Христос, чем был Бог явленный в своем Откровении – уязвимый, беззащитный, хрупкий, побежденный, как будто презренный и презираемый, - и тем не менее бывший Откровением чего-то чрезвычайно важного: величия человека» (цитирую по статье Филоненко, просмотренной вл. Антонием).

Именно презираемый и как бы презренный Идиот отсылает нас к презираемому Христу. И к тем, кто подобен Ему – глубоководным рыбам, выброшенным из созерцания в мир страстей. Глубоководные люди – идиоты на мелководье. Для них невыносимо шумное застолье, невыносима светская болтовня, тяжела легкая музыка. Они раскрываются в лесу и могут три часа сидеть на одном месте, созерцая игру света в листьях березы, не испытывая ни малейшей скуки. Об этом хорошо писал Борис Сергуненков, журналист, ставший лесником, но его не расслышали в шуме перестройки.

Все люди подобного склада (а я знал некоторых) чувствуют в Мышкине своего брата и в планете созерцателей свою землю обетованную. Само существование Мышкина, само его бытие, хотя бы в воображаемом мире, созданном художником, для них отрада и опора, идеальный образ собственной жизни, со всеми нелепостями, которые в этой жизни были, есть и будут.

Критика князя Мышкина религиозными филологами – очень любопытный предмет. Она показывает нам – иногда удачно, иногда нет (тут есть свои нелепости; но Бог с ними) – вопреки чему мы любим Мышкина. Вопреки тому что он оказался в роли жениха (и даже двух женщин сразу), хотя по болезни своей женщин не знал и того тяготения к ним, от которого может возникнуть семья, кажется, даже не испытывал и не знает, способен ли испытать. Он знает своё: что нельзя видеть дерево и не быть счастливым, что мир спасет красота. Если прибавить к этому фразу, оставшуюся в черновиках (мир спасет красота Христа – фраза, перекликающаяся с credo из письма

Фонвизиной), то все это складывается в одно: что мир спасет созерцание следов Бога, по которым мы можем познать Его и идти за Ним, погружаясь в Его красоту и познавая все глубже и глубже свое сердце, до того уровня, где рушится преграда между человеком и Богом, где залив переходит в море и весь океан – все царство Божие – оказывается внутри нас.

Люди нормальные, хорошо чувствующие себя на мелководье, в мире забот и эмоций, никогда не поймут: зачем часами глядеть на водопад с какой-то смесью радости и тоски. Зачем – если воспользоваться языком Мейстера Экхарта – искать смерти своего малого я, живущего эмоциями и скучающего, когда их нет. Зачем томиться по глубине? Лучше не думать о ней. Эти люди без всяких доказательств равнодушны к Мышкину.

А для тех, кто почувствовал Мышкина своим, он чужим не станет. Для них неважно, что на уровне житейских отношений он идиот. Они сами здесь более или менее идиоты. Или, по крайней мере, более или менее беспомощны. Их захватывает совершенная открытость Мышкина глубине, совершенная свобода от обычных страстей, от нашего маленького «я», загораживающего путь в глубину, и очевидная причастность бесконечной ничем не ограниченной любви. Хотя они могут понимать, что Мышкин – это проблема, а не решение, что идеалом была бы способность глубинного существа выносить и бури, бушующие на поверхности моря, не теряя связи с тихой глубиной. Но этот уровень нельзя перенести из духа в букву, нельзя понять, можно только быть им – и уже было сказано: Я есмь истина.